

Б. А. А. - 17831

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.
РОЯЛЬ ЛЕАНДРА. РО-
МАНЪ ВЪ СТРОФАХЪ. ИЗДА-
НІЕ АВТОРА. РУМЫНІЯ. БУ-
ХАРЕСТЬ. ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬ-
СОТЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ.

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.

РОЯЛЬ ЛЕАНДРА.
(LUGNE).

РОМАНЪ ВЪ СТРОФАХЪ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

РУМЫНІЯ.

Бухарестъ.

1935 г.

Романъ „Рояль Леандра“ (Lugne) написанъ въ одну изъ недѣль марта 1925 г. въ Эстоніи (Тойла).

Въ 1926 г. М. П. Арцыбашевъ провель его цѣликомъ въ нѣсколькихъ номерахъ своей газеты „За Свободу!“, выходившей въ Варшавѣ.

Въ 1931 г. — читанъ авторомъ въ Русскомъ Научномъ Институтѣ въ Бѣлградѣ.

Tartu Ülikooli Raamatukogu

i 204 58 16 18

ВСТУПЛЕНИЕ.

Не изъ задора, не для славы
Пишу онъгинской строфой
Непритязательныя главы,
Гдѣ духъ поэзіи живой.

Мнѣ просто нравится рисунокъ
Скользящей пушкинской строфы.
Онъ близокъ для душевныхъ струнокъ
Поэта съ береговъ Невы...

Вѣдь, вкладываютъ же въ октавы,
Въ рондо, газеллы и сонетъ
Поэты чувства? Что же нѣтъ
Средь нихъ строфы пѣвца Полтавы?

Благоговѣніе къ нему?..
Но созданъ и сонетъ Петраркой.
Тѣхъ доводовъ я не приму.
И вотъ — пишу строфою яркой!

Пусть „въ пухъ“ поэта разнесутъ
Иль пусть поглядятъ по макушкѣ —
Не важно: „Ты свой высшій судъ!“
Художнику сказалъ самъ Пушкинъ.

ЧАСТЬ I.

1.

Въ одинъ изъ дней начала мая,
Въ старинномъ паркѣ надъ прудомъ,
Засуетился, оживая,
Помѣщичій пустынный домъ.
Будя сонъ парка, въ немъ трубили
Прибывшіе автомобили,
И слуги, впавъ въ веселый ражъ,
Вносили въ комнаты багажъ.
Имѣнье было отъ столицы
Верстахъ не болѣе, чѣмъ въ ста,
А потому весьма проста
И перевозка. Веселится
Прислуга, праздная приѣздъ, —
И шумъ, и гамъ идутъ окрестъ...

2.

Кто не пьянѣлъ отъ мая арій?
 Кто устоялъ отъ чаръ весны?
 Аристократъ и пролетарій
 Передъ природою равны.
 И удивительнаго мало,
 Что такъ восторженно внимала
 Природѣ барынька сама,
 Къ пруду спѣшившая. Зима
 Въ столицѣ ей давно порядкомъ
 Уже наскучила. Сезонъ
 Въ каталепсическій впалъ сонъ.
 Ее влекло къ куртинамъ, къ грядкамъ,
 Къ забвенью издоѣвшихъ лицъ:
 Весною намъ не до столицъ..

3.

Еще влекло мою Елену
 Быть съ Кириеною вдвоемъ,
 Супружескому цѣля плѣну
 Стрѣлу небрежности. Поймемъ
 Ее мы сразу непревратно:
 Она страстна, но не развратна,
 Любима мужемъ, но его
 Любовь — женѣ не торжество...
 Онъ — генераль при государѣ,
 Надменень, холодень и сухъ,
 Дисциплинированный духъ,
 Короче: „человѣкъ въ футлярѣ“.
 Она же вся сплошной порывъ,—
 Ей кружить голову обрывъ...

4.

Ей тридцать два, супругу — сорокъ :
 Пустячна разлица въ лѣтахъ.
 Ихъ жизньъ равна : ей надо горокъ.
 Онъ въ дѣлѣ весь : она — въ мечтахъ.
 Но что же ихъ соединило ?
 Перо, бумага и чернила
 Въ томъ не участвовали. Ей
 Сказаль онъ : „Вась женой своей
 Хотѣлъ бы видѣть“. Не подумавъ, —
 Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, —
 Она дала согласье. Садъ
 Былъ полонъ изумрудныхъ шумовъ,
 Кипѣла кровь, и — никого
 Вблизи, съ кѣмъ ей сравнить его...

5.

И вышла замужъ такъ же просто,
 Какъ мы выходимъ черезъ дверь,
 Когда намъ близкихъ до погоста,
 Еще не вникнувъ въ суть потерь,
 Мы провожаемъ безучастно.
 И вотъ она почти несчастна,
 И эта цифра „тридцать два“
 Напоминаетъ, что листва
 Впредь съ каждою весною блеклѣй,
 А вмѣстѣ съ ней и тоны щекъ,
 И глазъ сянье. Скоро срокъ,
 Когда восторженность биноклей
 Не будетъ цѣлиться въ нее :
 Лѣта, летя, беруть свое...

6.

Лѣта летятъ, а сердце юно,
 Еще не знавшее любви.
 Гладь жизни требуетъ буруна,
 И соловьи поютъ : „Лови !“
 Но что и какъ ловить Еленѣ,
 Когда не встрѣченъ ею геній,
 Въ осколки должный бракъ разбить
 И, полюбивъ, въ себя влюбить ?
 Ея кузина, Кириена,
 Была единственной душой
 Ей близкой. Косо свѣтъ большой
 Смотрѣлъ на Киру : властно сцена
 Ее влекла къ себѣ, — она
 Была актрисой рождена.

7.

Ей только двадцать, только двадцать !..
 А сколько вѣры въ двадцать лѣтъ !
 Ей время счастьемъ отдаваться,
 Не знающей, что счастья нѣтъ...
 Едва оконченъ ею Смольный,
 Она опять уже о школьной —
 О драматической — скамьѣ
 Мечтаетъ, вызвавъ гнѣвъ въ семьѣ.
 Тогда онѣ бѣжали обѣ, —
 Одна отъ мужа, отъ семьи
 Другая, — дѣвушки мои :
 Замужней молодой особѣ,
 Любви не знавшей, дамскій чинъ
 Навязывать мнѣ нѣтъ причинъ...

8.

Она дѣтей имѣла рано, —
 Пыль материнскій былъ въ ней рьянъ :
 Два златокудыхъ мальчугана —
 И Альвіанъ, и Аріанъ.
 Жалѣя объ умершей дочкѣ,
 Она любила въ нихъ кусочки
 Себя самой, но мужа часть
 Гасила материнства страсть
 Въ ея любви горячей къ дѣтямъ.
 И оттого въ ней чувства два
 Боролись часто. Торжества
 Безоблачнаго мы не встрѣтимъ
 И въ этомъ случаѣ: любя
 Дѣтей, казнить она себя.

9.

Хотя и предлагалъ въ Сорренто
 Женѣ поѣхать генераль
 (Ему давала право рента
 Жить тамъ, гдѣ мѣстность онъ избралъ)
 Хотя родные Кириены
 Надѣялись, что перемѣны
 Странъ, настроеній и путей
 Помогутъ излечиться ей
 Отъ дикой мысли стать актрисой,
 Кузины, любящія глушь,
 Рѣшили жить въ глуши, и мужъ
 Отчасти радъ : сановникъ лысый
 Еженедѣльно день—другой
 Могъ проводить вдвоемъ съ женой.

10.

Héène, въ деревню уѣзжая,
 Удачно мѣры приняла,
 Чтобъ ни одна бездушъ чужая
 На дачу къ ней не забрела:
 Безличныя несносны лица,
 Коварна смокинга петлица,
 Гдѣ на безсердцевой груди
 Гвоздику вянуть пригвоздивъ,
 Глупить, сюсюкаетъ, картавить
 Гальванизированный фатъ.
 Beau—monde—какъ нѣкій халифатъ,
 Гдѣ вкусами безвкусье править,
 Гдѣ отъ дѣвиць, отъ рома ли,
 Волочить ногу gamoli...

11.

Héène росла на дальнемъ югѣ
 Въ имѣньѣ дяди—старика
 Безъ вдохновительной подруги,
 Безъ родственнаго языка,
 Безъ материнской несравнимой,
 Теоретически—любимой,
 Единой ласки, безъ отца,
 Безъ образнаго образца..
 Трехъ лѣтъ ей не было, какъ спали
 Уже родители въ землѣ,
 Въ большой усадьбѣ при селѣ.
 Ахъ, двадцать девять разъ опали
 Съ тѣхъ поръ, какъ почють въ гробахъ
 Родные, листья на дубахъ.

Ея дубы! У нихъ спросить бы
 О многомъ, памятномъ лишь имъ:
 О дняхъ до горестной женитьбы,
 О спальнѣ съ шелкомъ голубымъ,
 Объ одиночествѣ духовномъ,
 Тѣлесномъ, — всяческомъ, — о ровномъ
 Теченьи весень, лѣтъ и зимъ,
 Чей ровный плескъ невыразимъ,
 О братѣ матери — о дядѣ,
 Больномъ, печальномъ старикѣ
 Съ безсмѣнной книгою въ рукѣ
 Сидящемъ у окна, о взглядѣ
 Его помимномъ и нѣмомъ,
 Какъ весь — теперь сгорѣвшій — домъ.

Росла одна и, кромѣ Феклы
 И англичанки Харингтонъ,
 Не отражали въ домѣ стекла
 Ни одного лица. Ни стонъ,
 Ни смѣхъ людской не долетали
 Въ заклѣтый кругъ ея печали.
 Когда-жъ ей стало десять лѣтъ,
 Отъ миссъ остался только слѣдъ:
 Языкъ англійскій, строфы Шелли,
 Любимаго поэта миссъ,
 И аткинсоновскій „Ирисъ“,
 Что впитанъ спальней. Неужели
 Воспоминаній смолкъ чередъ,
 Ихъ нѣтъ, и жизнь спѣшитъ впередъ?

14.

Какъ будто нѣтъ. А, впрочемъ... впрочемъ,
 Дай вспомнить : кажется, что есть
 У внуки дяди бѣдный вотчимъ.
 Онъ въ гувернеры взять — прочесть
 Курсъ гимназическій. Онъ учить
 Родному языку, и пучить
 Глаза, когда ребенокъ, внизъ
 Сойдя, „Прошу Васъ“ въ „if you please“,
 Забывшись, превратить. Филологъ,
 За нѣжность къ Герцену изъять
 Со службы, обучать былъ радъ
 По совѣсти, и честно-дологъ
 Урокъ учителя. Лѣтъ въ семь
 Она прошла по классамъ всѣмъ.

15.

Въ семнадцать лѣтъ она узнала
 Все то, что удалось узнать,
 Изъ юношескаго журнала
 Стараясь тщетно жизнь понять.
 Ну какъ же можно тутъ развиваться,
 Когда не болѣе, чѣмъ тридцать
 Во всемъ имѣннѣ было книгъ :
 Книгъ не выписывалъ старикъ,
 Довольствуясь своей безсмѣнной,
 Единственной, чей переплетъ
 Онъ неизмѣнно клалъ въ комодъ,
 Упрятывая въ сокровенный
 Потайный ящикъ. Что за томъ
 Былъ то, никто не зналъ о томъ.

16.

Она не разъ его просила
 Купить ей книгъ (не про Ягу !)
 И получала только мыло
 И отъ Балабухи нугу...
 Онъ говорилъ словъ десять въ мѣсяць
 (Сюжетъ веселенькій для пьесець !)
 И за семнадцать лѣтъ пять разъ
 Впрягались кони въ тарангасъ,
 Хотя былъ Кіевъ верстъ за восемь...
 На слезныя ея мольбы
 Добрякъ прожевываль грибы
 И говорилъ несвязно ; „Озимь
 Пospѣеть — будетъ“, и затѣмъ
 Ставаль недѣли на двѣ нѣмъ.

17.

Немудрено, когда Фостирій
 Вдругъ появился въ ихъ дырѣ
 (Ихъ домъ былъ отданъ штабъ-квартирѣ
 На срокъ маневровъ на Днѣпрѣ)
 И познакомилась съ нимъ Лена,
 Отчаявшаяся отъ тлѣна
 Обставшаго, немудрено,
 Что было ею рѣшено
 Принять немедля предложенье,
 Чтобъ только жизнь перемѣнить,
 Порвавъ съ живой трупарней нить,
 И броситься въ изнеможенъи,
 Разъ выхода иного нѣтъ,
 Пожалуй. даже въ высшій свѣтъ !..

18.

...Онѣ живутъ уже поль-лѣта,
 Отбросивъ всякій этикетъ.
 Гоняютъ шарики крокета,
 Почти влюбленные въ крокетъ...
 Простыя ситцевыя платья
 Зовутъ въ зеленыя объѣтыя
 Къ нимъ расположенныхъ вѣтвей,
 Ихъ увлекаетъ соловей,
 И сравнивать то со Ржевусской *),
 То съ Зембрихъ сѣренькій комокъ,
 Что такъ очаровать ихъ могъ
 Онѣ не въ шутку любятъ : русской
 Душѣ доступно чувство то :
 Она — прозрачнѣе Vatto.

19.

Какъ хорошо изъ душевной спальни,
 Въ оранжевый росистый часъ,
 Бѣжать, смѣясь, къ мосткамъ купальни,
 Быть свѣтской куклой разучась...
 Какъ хорошо въ водѣ прохладной,
 Любуясь кожей шоколадной,
 Стянувши въ узелъ волоса,
 Плескаться добрыхъ поль-часа...
 Какъ хорошо ловить руками
 Неуловимо карася,
 И вновь, и вновь воды прося,
 Купальню оплывать кругами.
 Въ водѣ привольно и свѣжо...
 Какъ молодо ! Какъ хорошо !

А развѣ плохо, кликнувъ Груню,
 Итти „по ягоды — грибы“
 Въ июнѣ и въ лѣса къ июню
 Навстрѣчу, можетъ быть, судьбы?..
 А развѣ плохо ледовые
 На сыроѣжки рядовыя
 Съ почтенъемъ осторожно класть,
 Смѣясь надъ мухоморомъ всласть?..
 И, перепачкавшись въ черникѣ,
 Черникой зубы почернить
 И, потерявъ тропинки нить,
 Поднявши до колѣнъ туники,
 Болотничать до тьмы въ лѣсу,
 Принявъ за зайчика лису?..

Пять дней въ недѣлю были днями,
 А два совсѣмъ ни то-ни се:
 Онъ пріѣзжалъ, и въ мигъ тѣнями
 Вокругъ подергивалось все..
 Смолкали вѣтренныя шутки,
 Собаки забивались въ будки,
 На ципочкахъ ходилъ лакей,
 И вѣялъ надъ усадьбой всей
 Дворцовый сплинъ. И наши дѣвы,
 Мѣняя въ день разъ пять костюмъ
 И слушаая „высокій“ умъ,
 Ныряли грезами въ напѣвы
 Уже грядущихъ дней пяти,
 Воззавъ ко времени: „Лети!“

22.

Но обезкрыленное время,
 Казалось, улыбаясь зло,
 Постукивая скукой въ темя
 Хозяекъ молодыхъ, ползло.
 Однако, къ полдню воскресенья
 Зачатки явны окрыленья,
 И только поданъ лимузинъ,
 Оно надъ рощицей осинъ
 Уже выращиваетъ крылья.
 Когда же скроется авто,
 Въ какую высь оно зато
 Взлетаетъ, выйдя изъ безсилья,
 И снова жизнь глазамъ виднѣй,
 Ушамъ слышнѣй... хоть на пять дней!

23.

Елена въ паркѣ идетъ. Олунень
 И просиренень росный паркъ.
 Въ ея устахъ — прозрачный Бунинъ,
 Въ ея глазахъ — блескъ Жанны д'Аркъ...
 А Кириена за роялемъ,
 Вся преисполнена Граалемъ,
 Забыла про кузину Ligne,
 И Ligne вошла душой въ июнь...
 Она вошла и растворилась
 Въ олуненной его листьѣ
 И, съ думою о Божествѣ,
 Присѣла у пруда. Свершилось:
 Она увидѣла въ тѣни
 Дубовой грустные огни.

24.

Не поняла сначала — что тамъ,
 И только грусть ихъ поняла
 И, внемля отдаленнымъ нотамъ
 Рояля, думала: „Что мгла
 Таить? откуда эти блики?
 Что за сіяющіе вскрики?
 Какъ ихъ печальна бирюза!“
 И вдругъ постигла: то — глаза!
 Не испугалась: были жданны.
 Немного вздрогнула: уже!
 Ея костюма неглиже
 Не вспомнилось. Какъ чувства странны!
 Какъ пахнетъ бѣлая сирень!
 И эта ночь — какъ лунный день...

25.

Леандръ спросилъ: „Какъ ваше имя?“
 Елена отвѣчала: „Lugne“...
 И было третье нѣчто съ ними:
 Луна расплавленная — лунь...
 Вдали играла Кириена,
 И таяла сонаты пѣна,
 И снова вдругъ Леандръ спросилъ:
 — Кто васъ лишилъ такъ рано силъ? —
 И не отвѣтила Елена...
 И наступила тишина,
 Ихъ встрѣчею поражена...
 Въ кустахъ шарахнулась измѣна...
 Въ испугѣ ухнула сова...
 И Lugne шепнула: „Въ тридцать два“...

И вмигъ опомнилась, и ѣдко
 Спросила: „Что угодно вамъ?“
 Онъ всталъ, — глаза хлестнула вѣтка.
 Онъ фразы не нашель словамъ...
 И подошелъ къ ней скромный, стройный,
 Желанный и ея достойный,
 Изъ ихъ родного далека,
 Знакомый многіе вѣка...
 — Не узнаешь? — спросиль. Хотѣла
 Отвѣтить „да“, сказалося „нѣтъ“, —
 И омрачился лунный свѣтъ,
 И въ краску бросило все тѣло...
 — Не узнаешь? Мечту свою?..—
 И Ligne шепнула: „Узнаю“...

Шепнула и... проснулась. Въ паркѣ
 Лунѣла сыро тишина,
 И были нестерпимо ярки
 Подробности лѣснаго сна.
 Домъ спалъ. Давно умолкла Кира.
 И потому, что было сыро
 И поздно, Ligne пошла домой,
 Все повторяя: „Мой ты... мой...“
 И съ той поры въ душѣ Елены —
 Неповторимые глаза.
 Въ слезахъ молясь на образа,
 Она ихъ ощущала плѣны,
 И предвкушенная любовь
 Окрашивала жизни новь.

Riene съ широкими глазами
 Еленинъ выслушала сонъ
 И поблѣднѣвшими устами :
 — Леандръ... Леандръ... Но кто же онъ?—
 — „Онъ мысль моя!“ И Кириена,
 Пугаясь страннаго рефрѣна
 Въ устахъ кузины, съ этихъ поръ
 Не заводила разговоръ
 Про этотъ бредъ. И Ligne молчала,
 Межъ тѣмъ, все думая о снѣ,
 Сама съ собой наединѣ
 Припоминала все сначала,
 И явью сонъ готовъ былъ стать,
 Но вдругъ все путалось опять...

Уже и день Преображенья,
 А тамъ пора и по домамъ
 На молчаливыя сраженья —
 Удѣлы дѣвствующихъ дамъ...
 Обидно ѣхать изъ деревни,
 Когда все краше ежедневнѣй
 Простершій листья старый клень,
 Какъ гуси лапы, на балконъ,
 Когда нагроздена рябина,
 И яблоками пахнетъ садъ,
 Когда рядъ поженъ полосать,
 И золотѣть паутина,
 Когда въ настурціяхъ газонъ.
 Но Петербургъ сказалъ : „Сезонъ“.

30.

Въ ея рукахъ — одна недѣля,
 А тамъ сама она въ рукахъ
 Не упоительнаго Леля,
 А мужа въ англійскихъ усахъ...
 Лугне съ Кирой жадно ловятъ миги
 И, отложивъ на время книги,
 Съ утра до ночи по лѣсамъ,
 Внемля крылатымъ голосамъ,
 Блуждаютъ въ полномъ упоеньи,
 Поблекнувшія отъ тоски,
 Цѣлуя желтые листки,
 И, жницъ усталыхъ слыша пѣнье,
 Сочувствуя судьбѣ крестьянъ,
 Готовы сами въ сарафанъ...

31.

Въ лѣсу, надъ озеромъ, на горкѣ,
 Бѣлѣтъ женскій монастырь,
 Гдѣ въ каждой кельѣ, точно въ норкѣ,
 Прокипарисенный пустырь.
 Тамъ днемъ — молитвы покаянья,
 Смиренье, кротость, воздыханья,
 Души и тѣла тяжкій постъ...
 Но не для всѣхъ тотъ искусъ прость,
 Не всѣ покой приемятъ души,
 Не всѣ покорствуютъ тѣла, —
 Творятся тайныя дѣла,
 Слова протеста слышатъ уши,
 И видѣль восходящій день
 Шарахающуюся тѣнь...

32.

Подругъ предлагаетъ Кира
 Пройтись когда-нибудь пѣшкомъ,—
 Беру клише, — „въ обитель мира“,
 Съ котомкою и съ посошкомъ,
 Какъ ходять толпы русскихъ странницъ,
 Что для вертушекъ и жеманницъ
 Изъ города совсѣмъ смѣшно,
 Но радостью озарено
 Для нашихъ милыхъ богомолокъ.
 И, не откладывая планъ,—
 На удивленіе крестьянъ,—
 Онѣ выходятъ на проселокъ
 И лѣсомъ, уходящимъ вспять,
 Идутъ въ лаптяхъ версть двадцать пять.

33.

Въ котомкахъ хлѣбъ, съ водою фляжка,
 Въ глазахъ и подвигъ, и восторгъ.
 Люба имъ каждая букашка,
 Чуждъ жизни суетливый торгъ.
 Нѣтъ и слѣда отъ свитской дамы
 Въ крестьянкѣ слушающей гамы
 Лѣсовъ, будящихъ въ ней экстазъ,
 Съ поднятой къ небу синью глазъ.
 Ихъ занимаетъ каждый шорохъ,
 Ихъ привлекаетъ каждый кустъ.
 Впивай улыбку этихъ усть!
 Впивай улыбку въ этихъ взорахъ!
 И если скажешь: „Что-жъ, капризь“,—
 За *этой* дамъ я первый призь...

Капризь! Что значить это слово?

Ты только вникни глубже въ суть!

Ужели ничего иного

Не можешь ты въ него вдохнуть?

Капризь капризу рознь. Все въ свѣтѣ

Капризь, пожалуй.. Но и дѣти

Оттѣнки могутъ различить.

Капризь, вѣдь, и больныхъ лечить,

Быть музыкантомъ, адвокатомъ,

Любить вотъ эту, а не ту,

Въ уродствѣ видѣть красоту

И апельсинъ сравнить съ закатомъ...

Не въ томъ вопросъ — въ немъ смѣхъ иль стонъ,

Вопросъ : намъ нравится ли онъ?

— „Riene! ты, другъ мой, не устала?“

— „Немного, Ligne. А ты?“ — „Чуть-чуть“.—

Прохладнѣе къ закату стало,

Уже кончается ихъ путь.

Онѣ мечтаютъ о ночлегѣ.

На встрѣчу ѣдутъ : двѣ телѣги.

— „Далеко до монастыря?“

— „Еще не выблекнетъ заря,

Какъ вы дойдете. За оврагомъ

Тропинка вправо отъ села“.

Ligne бѣлкой скачетъ, весела,

Ей Кира вторитъ бодрымъ шагомъ.

Березки встали въ рядъ невѣсть.

А вотъ блеститъ церковный крестъ.

36.

Такъ шли онѣ. Шла служба въ храмѣ.
 Помылись наскоро, и — въ храмъ,
 Стоящій въ соснахъ, точно въ рамѣ,
 Прекраснѣй всѣхъ на свѣтѣ рамъ.
 Въ тотъ день паломниковъ не видно,
 Что, впрочемъ, вовсе не обидно:
 Молитва любить меньше глазъ.
 Блаженъ, кто жаръ молитвы спасъ,
 Кто можетъ искренне молиться
 И смыслъ молитвы разумѣть!
 Въ лучахъ зари лампадокъ мѣдь
 Оранжевѣтъ, и столица
 Со всѣмъ безвѣріемъ своимъ
 Отвратна путницамъ моимъ.

37.

Поютъ на клиросѣ монашки,
 И попикъ сѣденькій, чуть живъ,
 Свершаетъ службу. „Грѣхъ нашъ тяжкій“,
 Вдыхаетъ старица, сложивъ
 Въ дрожащій крестъ руки пергаментъ,
 Угаслымъ взоромъ на орнаментъ
 Взирая, точно въ немъ Самъ Богъ,
 И эхо удлиняетъ вздохъ.
 По церкви вьется синій ладанъ,
 И, какъ въ туманѣ голубомъ,
 Елена прислонилась лбомъ
 Къ холоднымъ плитамъ. Вдругъ отпряданъ
 Въ смятеньи Кириены взглядъ,
 Чуть обернувшейся назадъ.

Елена встала. — „Ligne! родная,
Прости, но ты назадъ взгляни“...

И, легкій возгласъ испуская,

Елена видитъ: *ты* огни!

Да, это онъ, — но стой исправнѣй,

Не вздрагивай! — знакомецъ давнѣй,

Чье имя, точно олеандръ,

Гость сна въ сирени — онъ, Леандръ!

— Его ты знаешь? — Знаю вѣчно! —

— Но кто же онъ? — Онъ мысль моя! —

— Прости, не понимаю я...

Ligne, ты больна? — Riene сердечно

Глядитъ въ глаза ея. Но прочь

Nelene изъ церкви: — „Въ вѣтеръ! въ ночь!“

За ними — онъ. Онъ — аллеей,

Ведущей къ озеру. Челнокъ,

Со смятою на днѣ лилеей,

Воткнулся въ розовый песокъ.

Челнокъ столкнуть старалась тщетно

Riene, пока вдругъ незамѣтно,

Но, твердой подчинень рукъ,

На гофрированномъ пескѣ

Не сползъ на озеро. Взглянула:

Леандръ предъ ними, шляпу снявъ:

— „Простите, можетъ быть, неправъ,

Что я безъ разрѣшенья“... Гула

Вечерни вѣтеръ несъ волну,

И кто-то молвилъ: „Обману“...

Она смотрѣла, не мигая,
 Не отрывая росныхъ глазъ,
 Какъ грусть его, ей дорогая,
 Изъ глазъ леандровыхъ лилась.
 Молчала Кира въ потрясеньи,
 Вбирая отблески осени,
 И зеркаломъ спала вода,
 И были миги, какъ года.
 Потомъ всѣ трое сѣли въ лодку
 И, ни о чемъ не говоря,
 Туда поплыли, гдѣ заря
 Сгорала — къ дальнему болотку.
 Не слышалъ этотъ вечеръ словъ.
 Закатъ былъ грустенъ и лиловъ.

Они проснулись на восходѣ.
 Ихъ къ полдню встрѣтилъ старый домъ.
 Сердца исполнены рапсодій:
 Ушли вдвоемъ, пришли втроемъ.
 Въ пути сдружились какъ-то сразу:
 За фразою бросали фразу,
 За смѣхомъ смѣхъ, за взглядомъ взглядъ,—
 Другъ другомъ каждый былъ объять.
 Писать другъ другу слово дали
 Всѣ трое, дали адреса,
 Запоминая голоса,
 И, распрощавшись, долго въ дали
 Полей смотрѣли, гдѣ онъ шель —
 Великъ и малъ, богатъ и голъ.

ЧАСТЬ II.

1.

Будь вѣренъ данной тайно клятвѣ,
Вдыхай любви благой озонъ !
...Уже въ Маріинскомъ театрѣ
Открылся Глинкою сезонъ.
Уже кокотки и виверы
Къ Невѣ съѣзжаются съ Ривьеры,
Уже закончился ремонтъ,
Ужъ разложилъ ковры beau-monde,
Обезгазетилъ всѣ картины,
Убралъ чехлы, натеръ паркетъ
И, соблюдая этикетъ,
Отъ солнца скрылся за гардины.
И снова въ воздухѣ висить :
Модэль. Журфиксъ. Театръ. Визитъ.

2.

Уже меня рисуетъ Соринъ,
 Чуковский пишетъ фельетонъ.
 Уже я съ критикой поспоренъ,
 И съ ней беру надменный тонъ.
 Уже съ утра летятъ конверты, —
 Въ нихъ приглашаютъ на концерты
 Рядъ патронессъ и молодежь.
 Уже съ утра стоитъ галдежь,
 Въ моей рабочей комнатушкѣ
 Отъ голосовъ, и рядъ дѣвиць, —
 Что въ массѣ плоче полендвиць, —
 Вертя игриво завитушки,
 Меня усиленно зовутъ
 Читать имъ тамъ, читать имъ тутъ.

3.

Ужь — это ли не хохоть въ стонѣ?
 Не хрюкъ свиньи въ пѣвучій сонъ? —
 Къ намъ Чеховъ въ устричномъ вагонѣ
 Изъ-за границы привезенъ.
 Какъ нѣкогда царя Сусанинъ,
 Спасаетъ тѣло юный Санинъ
 Отъ слишкомъ духовитыхъ душъ,
 Въ комъ вовсе нѣтъ души къ тому-жь...
 Уже зоветъ на поединокъ
 Изъ ямъ военщину Купринъ.
 Ужь славить Леду господинъ
 Каменскій, какъ безстрастный инокъ,
 И выпускаетъ „чистый“ вздохъ,
 Беря попутно *четырежъ*...

4.

Ужъ первый номеръ „Аполлона“,
 Темнящій *золото руна*,
 Выходить въ свѣтъ, и съ небосклона
 Комета новая видна:
 То Капитаны Гумилева,
 Гдѣ лишняго не видно слова,
 И вотъ къ числу звучащихъ словъ
 Плюссируется: *Гумилевъ*.
 Уже „Вѣсы“ крушатъ пружину,
 Уже безвреденъ „Скорпионъ“,
 Сталь іорданскій вяль піонъ,
 Все чаще прибѣгаетъ къ джину
 Бесплатныхъ приложений Марксъ:
 Надъ „Нивою“ вороній каркъ!

5.

Все импотентнѣ Буренинъ,
 Съ пера его течетъ вода,
 И, сопли утеревъ, Есенинъ,
 Уже созрѣлъ пасти стада...
 И Меньшиковъ, кумиръ столовыхъ,
 Іудушкой изъ Головлевыхъ
 Работаетъ, какъ гробовщикъ,
 Всесильный *нововременщикъ*.
 И Розановъ Василь Василичъ,
 Христа желая уколоть,
 Противоставить духу плоть,
 И, какъ его ты ни проси лечь
 На койку узкую, старикъ
 Влюбленъ въ двухспальный пуховикъ...

6.

У Мережковской въ будуарѣ
 На Сергѣевской ярый споръ
 О Божествѣ и о бездари,
 Несущейся во весь опоръ.
 Уже поблескиваетъ Пильскій,
 И жмурить обыватель въ Рыльскѣ
 Глаза, читая злой памфлетъ
 Блистательнѣе эполетъ.
 Уже стоическій упадникъ,
 Наркозя трезвое перо,
 Слагаетъ пѣсенки Пьерро,
 Гдѣ эпилепсіи разсадникъ...
 Заводъ спасательныхъ шестовъ
 Бердяевъ строить и Шестовъ.

7.

Мадонну зрить Блокъ скорбно-дерзкій
 Въ демимонденковомъ ландо,
 И чайка вьетъ на Офицерской
 Свое безсмертное гнѣздо!
 Патентъ Александринкѣ выдавъ
 На храмъ, своей игрой Давыдовъ,
 Далматовъ, Ведринская жнутъ
 Успѣхи вѣковыхъ минутъ.
 И на капустникъ дяди Кости,—
 Утонченнаго толстяка,—
 Течетъ поклонниковъ рѣка —
 Смѣхъ почитающіе гости,
 Гдѣ злоязычная Marie *)
 Всѣхъ ярче, что ни говори!

*) Савина.

8.

Испортивъ школьничій характеръ,
 Придавъ умамъ вульгарный тонъ,
 На всѣхъ углахъ кричатъ Никъ-Картеръ
 И мистеръ Холмсъ, и Пинкертонъ.
 Неисчислимы Конанъ-Дойля
 Заслуги (скрой меня, о Тоila,
 Отъ нихъ!): въ кавычкахъ „умъ“ и „рискъ“
 И безъ кавычекъ: кровь и сыскъ.
 Аляповатыя книжонки!
 Гниль! облопошенскій лубокъ!
 Ты даже внѣшностью убогъ...
 Чиновничьи читають женки,
 Читаетъ генеральшинъ внукъ,
 А завтра Колькѣ по лбу „тукъ“.

9.

Уже воюетъ Эго съ Кубо,
 И сонмъ *крученыхъ бурлюковъ*
 Идетъ войной на Сологуба
 И символическихъ божковъ.
 Ужъ партитуры жечь Сень-Санса —
 Задачи нео-декаданса,
 И съ „современья корабля“
 Швырять того, строфой чей я
 Веду романъ, настала мода,
 И, если я и самъ грѣшилъ
 Въ ту пору, бросить грѣхъ рѣшилъ,
 И не тебѣ моя, хамъ, ода...
 Плету новатору вѣнокъ,
 Точу разбойнику клинокъ.

10.

Ужъ ничегочать дурни—всѣки*)
 (Такъ, ни съ того и ни съ сего!)
 И всѣчать тщетно ничегоки,
 И это всё—какъ ничего.
 Съ улыбкой далеко не дѣтской
 Уже городить Городецкій
 Акмеистическую гиль,
 Адамя неуклюжій стиль.
 Ужъ возникаетъ „цехъ поэтовъ“
 (Куда бездари, какъ не въ цехъ!)
 Гдѣ учать этихъ, учать тѣхъ,
 Что можно жить безъ триолетовъ
 И безъ рондо, и безъ... стиховъ!—
 Но ужъ никакъ не безъ ословъ!..

11.

Глаза газели, ножки лани
 Такъ выразительны безъ словъ,
 И Анну Павлову съ Леньяни
 Поютъ Скальковскій и Свѣтловъ.
 Кто зриль Кшессинскую Матильду,
 Кто Фелію Литвинъ—Брунгильду
 Въ своей душѣ отпечатлѣлъ,
 Завидный выпаль тѣмъ удѣлъ.
 Сакцентивъ арію, Медея
 Дуэтить „Ni jamais l'entendre“...
 (Разъ императоръ Александръ,
 Въ мечтахъ изъ Мравиной содѣя
 Любовницу для сына, носъ
 Пріялъ въ томъ храмѣ нотъ и позъ).

*) Двѣ разновидности футуризма: „всеки“ и „ничегоки“.

Уже тѣснить „Динору“ „Тоска“,
 И, въ жаждѣ своего лица,
 Слегка звучить мой славный тезка—
 Сынъ знаменитаго отца...*)
 Уже „Любовь къ тремъ апельсинамъ“,
 Желая Карлу Гоцци сыномъ
 Достойнымъ стать, смѣльчакъ-игрокъ,
 Почувствовавъ, сдаетъ урокъ
 Сергѣй Прокофьевъ свой послѣдній.
 Уже—скажи ему merci—
 Въ огромномъ спросѣ Дебюсси.
 Артуръ Лурье вовлекъ насъ въ бредни,
 И на квартирѣ Кульбина
 Трепещутъ „Сѣти“ Кузмина...

А вотъ и сфера „нѣжной страсти“,
 Цыганскихъ пѣсенокъ запасъ.
 Улыбка Вяльцевой (жанръ Насти!)
 И Паниной непанинъ басъ...
 Звѣзда счастливая Плевицкой
 И магъ оркестра Кусевицкій,
 И (валерьянки дай, Феррейнъ!)
 Вы, авантюры Ольги Штейнъ.
 Процессъ comtesse О'Руркъ-Тарновской,
 Для стиля—comte'a Роникеръ
 И (до свиданья, хроникеръ
 Судебный!) ателье Мрозовской,
 Гдѣ знать на матовомъ стеклѣ
 И Сѣверянинъ въ томъ числѣ!

Въ тотъ день и гордый сталь орабень,
 Когда, въ кострѣ своихъ страстей,
 Раздался въ гулкихъ залахъ Скрябинь—
 Во фракѣ модномъ Прометей.
 И предъ „Поэмою Экстаза“
 Неувядающая ваза
 Съ тѣхъ поръ поставлена. Огонь
 Антоновъ, тѣхъ цвѣтовъ не тронь,
 Какъ тронулъ генія! И по льду
 Исканій жадная толпа
 Скользитъ (о, шаткая тропа!)
 Къ Евреинову, Мейерхольду
 И даже... къ Карпову! Тихи,
 Евтихій, о тебѣ стихи...

А вотъ и Вагнеръ на престолѣ,
 И „Нибелунгово кольцо“,
 Въ Россіи тусклое дотолѣ,
 Бросаешь жаръ толпѣ въ лицо.
 Но я описывать не стану,
 Какъ къ „Парсифалю“ и „Тристану“,
 Подъ громъ Ершова и Литвинь,
 Спѣшатъ гурманы ноть и винь...
 А вотъ и ты въ фаворѣ, Римскій,
 Великій эпикъ и чарунь!
 Волнують переплески струнъ
 Твоихъ, какъ день цвѣтущій крымскій,
 И я готовъ сто версть пѣшкомъ
 Итти для встрѣчи съ „Пѣтушкомъ“...

16.

А Бенуа ? а Добужинскій ?
 А Бакстъ ? а Сомовъ ? А Сърровъ ?—
 Утесы на низинѣ финской,
 Огни насъ грѣющихъ костровъ.
 И съ ними ты, гремящій въ прерыхъ
 Краяхъ универсальный Рерихъ,
 И офортисты (escoutez) !
 Рундальцовъ и старикъ Матѣ.
 Вершина горныхъ кряжей Врубель,
 Кѣмъ падшій ангелъ уловимъ,
 Ты заплатилъ умомъ своимъ
 За Дерзость ! Необъятна убыль
 Съ твоею смертию, и сама
 Съ тѣхъ поръ Россія безъ ума...

17.

Ужъ маска сдернута съ Гапона,
 Ужъ пойманъ Бурцевымъ Азефъ,
 И—къ революціи препона—
 Оскаленъ вновь жандармскій зѣвъ.
 Уже пята грядущихъ хамовъ,
 Враговъ искусствъ, святынъ и храмовъ,
 Порой слышна издалека,
 И горьковского босяка
 Удѣлъ для молодежи ярокъ
 (Получше драгоцѣнность прячь !)
 Ужъ кается въ запискахъ врачъ,
 Уже скитальческій огарокъ,
 Затепленъ въ молодыхъ сердцахъ
 На трепеть ужаса въ отцахъ,..

Неугомонный Пуришкевичъ
 Вздуваль годами въ Думѣ гамъ,
 И въ „Русскомъ Словѣ“ Дорошевичъ
 Рулилъ къ заморскимъ берегамъ...
 Другъ именинницъ и театровъ,
 Гиппопотамъ Амфитеатровъ,
 Большой любитель алыхъ жалъ,
 Господь Обмановыхъ рожаль.
 И Витте дѣлалъ миллионы
 На государственномъ винѣ,
 И пьяный лучъ блестяль извнѣ
 Отъ императорской короны,
 И, подъ правительственный шикъ,
 Свой разумъ пропиваль мужикъ.

Въ пылу заботъ о немъ и спора,
 Учащійся впадалъ впросакъ :
 Вблизи Казанскаго собора
 Нагайкой жегъ его казакъ.
 Хотя въ тѣ дни и были ходки
 Вездѣ студенческія сходки,
 Но мысль о мыльномъ пузырьѣ
 Насъ оставляла при царѣ,
 Какъ царь оставленъ близъ придворныхъ,
 При всѣхъ совѣтникахъ своихъ—
 Лъстецахъ злоумныхъ и лихихъ,
 Среди коварныхъ и проворныхъ,
 И обреченъ давать отвѣтъ
 За то, чего и въ мысляхъ нѣтъ.

Бѣду вѣя надъ царскимъ домоу
 Въ еще незримые вѣнки,
 Вхрипъ „Колоколъ“ зоветъ къ погромамъ
 Подъ „Русскимъ Знаменемъ“ шинки.
 И, „Паукомъ“ ползя Дубровинъ,
 Уже отъ злобы полнокровень,
 Къ евреямъ ненависть сосеть,
 Навозомъ „Земщина“ несеть,
 И за „осѣдлости чертоу“
 Растеть антироссійскій духъ,
 И, чѣмъ плотнѣй перинный пухъ,
 Тѣмъ больше мстительной мечтою,
 Закрывъ въ тоскѣ безправный ротъ,
 Томится „презрѣнный“ народъ.

Россія, Ибсеномъ обрандясъ,
 Объ „его“ вспомнила своемъ
 (Прошу отмѣтку эту, Брандесъ,
 Внести въ очередной свой томъ !)
 Уайльда, Шоу, Метерлинка —
 У каждаго своя тропинка
 Въ душѣ къ дорогѣ столбовой,
 У каждаго художникъ свой.
 Эстетность, мистика, сатира
 И индивидуальность — изъ частицъ
 Всѣхъ этихъ русскій, съ сердцемъ птицъ,
 Плоть автора „Войны и мира“,
 Уже формировался, но
 Сформироваться не дано...

Въ тѣ дни, когда сверкала Больска,
 Какъ златоиглый Cordon rouge,
 Иллиодоромъ изъ Тобольска
 Зло ископаемъ нѣкій мужъ.
 И у Игнатьевой въ салонѣ,
 Какъ солнышко на небосклонѣ,
 Взошелъ сибирскій мужичекъ.
 И сразу невскихъ женскихъ щекъ
 Цвѣтъ блеклый сдѣлался пунцовымъ
 Затѣмъ, что было нѣчто въ немъ,
 Что просто мы не назовемъ,
 Не пользуясь клише готовымъ,
 И — родинѣ моей на зло —
 Гипнотизеру повезло...

И какъ бы женщинѣ ни биться,
 Его не свергнуть нипочемъ:
 Къ несчастью ключъ ей данъ Вербицкой
 И названъ счастія ключемъ!..
 И что скрывать, друзья — собратья:
 Мы помогали съ женщинѣ платья
 Самцамъ разнузданнымъ срывать,
 Въ стихахъ внѣбрачную кровать
 Съ восторгомъ блуднымъ водружали
 И славословили грѣхи,—
 Чего-жъ дивиться, что стихи —
 Для почитателей скрижали, —
 Взявъ цѣломудрія редуть,
 Къ фокстроттнымъ далямъ насъ ведутъ?

24.

И привели уже, какъ роту,
 Какъ неисчисленную рать,
 Къ международному Fox-trott'у
 На вертикальную кровать !..
 Насъ держать въ пакостномъ режимѣ
 Похабный танецъ моды — Shimmi,
 Отъ негритянскихъ дикарей
 Воспринятый вселенной всей :
 Въ маразмъ впадающей Европой
 И заатлантнымъ „сухаремъ“,
 Въ нашъ вѣкъ финансовымъ царемъ,
 Кто счель индѣйца антилопой,
 Его преслѣдуя, какъ дичь,
 Чего я не могу постичь...

25.

Америка ! злой край, въ которомъ
 Машина вытѣснила духъ,
 Ты выглядишь сплошнымъ монтеромъ,
 И свѣтъ души твоей потухъ.
 Твой „обезпеченный“ рабочій,
 Не знающія грезы очи
 Раскрывъ, считаетъ барыши.
 Въ его запросахъ — для души
 Запроса нѣтъ. Въ тебѣ поэтомъ
 Родиться попросту нельзя.
 Куда ведетъ тебя стезя ?
 Чѣмъ ты оправдана предъ свѣтомъ ?
 Въ маріонетковой странѣ
 Нѣтъ дѣла солнцу и лунѣ,

А и въ тебѣ, страна Колумба,
 Пылалъ когда-то духъ людской
 Въ тѣ дни, когда морякъ у румба
 Узрѣлъ тебя въ дали морской,
 Когда у баобаба ранчо
 Вдругъ оглашалъ призывъ каманча,
 И воздухъ разрѣзалъ, какъ бичъ,
 Его гортанный орлій кличъ,
 Когда въ волнистыя пампасы
 Стремился храбрый флибустьерьъ,
 Когда въ цвѣту увядшихъ эръ
 Враждебно пламенѣли расы,
 И благородный гверильясъ
 Жизнь бѣлому дарилъ не разъ...

Но, впрочемъ, нынѣ и Европа
 Америкѣ дастъ сто очковъ:
 Вѣдь, больше пользы отъ укропа,
 Чѣмъ отъ цвѣточныхъ лепестковъ!
 И, ужъ конечно, мистеръ Долларъ
 Блеститъ поярче, чѣмъ изъ дола
 Растущее свѣтило дня—
 Для непрактичныхъ западня..
 Вотъ развѣ Азія... Пожалуй,
 Она отсталѣе другихъ..
 Но въ вѣкъ летящихъ паровыхъ
 Машинъ, вѣкъ безтолково-шалый,
 Ахъ, не вплетать ей въ косы розъ,
 Да и Китай уже безъ косъ...

Невѣжество своё культура
 Явила намъ нежданно въ дни,
 Когда въ живущемъ трубадура
 Войны (война звѣрямъ сродни!)
 Нашла безъ затрудненья: въ грудѣ
 Мясной столкнулись лбы и груди,
 За „благо родины“ въ бою
 На карту ставя жизнь свою.
 Мясникъ кровавый и ученый,
 Гуманный культоръ и эстетъ—
 Ихъ всѣхъ сравнилъ стальной кастетъ,
 И, въ атмосферѣ закопченной
 Сраженій, блекъ духовный лоскъ,
 И возвращался въ звѣрство мозгъ...

Да, сухи дни, какъ сухи души,
 А души сухи, какъ цвѣты,
 Погибшіе отъ знойной суши...
 Въ чемъ смыслъ культурной суеты?—
 Въ политикѣ вооруженій?
 Въ удушѣ газовыхъ сраженій?
 Въ братоубійственной рѣзні?
 Въ партійныхъ спорахъ и грызнѣ?
 Въ мечтахъ о равенствѣ вселенскомъ
 Съ грозящимъ брату кулакомъ?
 Въ нео-философахъ съ ихъ зломъ?
 Въ омужественномъ полѣ женскомъ?
 Въ распятыи всей землей Христа,
 За міръ закрывшаго уста?

Тогда долой культуру эту, —
 И пусть возстанетъ та пора,
 Когда вѣнки плели поэту
 И чли огонь его пера!
 Когда мы небо зрили въ небѣ —
 Не душъ, зерно живящій въ хлѣбѣ,
 Когда свободный водопадъ,
 Не взнузданный ярмомъ преградъ,
 Не двигателемъ былъ завода,
 А услажденьемъ для очей,
 Когда міръ общій былъ ничей,
 Когда невинная природа, —
 Не изнасилена умомъ, —
 Сіяла свѣтлымъ торжествомъ.

Прошли вѣка, и вотъ мы — въ вѣкѣ,
 Когда Моэта пѣна бьетъ,
 Когда, какъ жаворонокъ нѣкій,
 Моя Липковская поетъ!
 Когда, лилейностью саронской
 Насыщенный, пью голосъ Монской
 И славословлю твой талантъ,
 Великолѣпная Ванъ-Брандтъ!
 Въ эпохѣ нашей сонмъ отличій
 Отъ раньше прожитыхъ эпохъ,
 Но въ общемъ всюду тотъ же вздохъ,
 Все тотъ же варварскій обычай:
 Жизнь у другого отнимать,
 Чѣмъ обрекать на муки мать.

Все нарисованное было
 Въ девятисотые года,
 Когда такъ много въ душахъ пыла,
 Въ поступкахъ — еще больше! — льда...
 Прошу простить за утружденье
 Вниманья эрой вырожденья,—
 Не все въ ней, мнится мнѣ, мертво :
 Искусства явно торжество,
 И этого вполне довольно,
 Дабы съ отрадой помянуть
 Свершенный нами съ вами путь,
 А если спуталь я невольно
 Событій ходъ, виднѣе вамъ :
 Мой справочникъ въ глуши — я самъ !

33.

Легко судить о человѣкѣ,
 Но быть имъ, право, тяжело...
 Освободимъ же отъ опеки
 Намъ ближняго свое чело :
 Никто другъ другу не подсудень.
 По меньшей мѣрѣ безразсудень
 Иной къ живущему подходъ.
 Пусть онъ живетъ за годомъ годъ,
 Какъ указуютъ грудь и разумъ,
 Какъ можетъ жить и хочетъ онъ :
 Въдѣ, чувство — лучший камертонъ.
 Повѣримъ же глазамъ и фразамъ,
 И настроеньямъ, и всему,
 Что жизнь *его* даетъ ему...

34.

...Пріѣхавъ въ городъ, Ligne рыдала
 Неудержимо, какъ дитя,
 Чѣмъ изумила генерала
 И возмутила не шутя.
 Онъ попытался знать причину,
 Но, побоясь попасть въ пучину
 Несдержанности, отошелъ
 Въ сторонку, холодень и золь.
 Недѣлю просидѣла въ спальнѣ,
 Къ себѣ впуская лишь Riene,
 Потомъ утихла. Нити венъ
 Висковыхъ сдѣлались печальнѣй,
 И раннимъ утромъ въ день восьмой
 Вновь стала Ligne сама собой.

35.

Наружной выдержки порою
 Достаточно, чтобъ въ колею
 Жизнь встала, и я самъ, не скрою,
 Тѣмъ способомъ чинить люблю
 Прорѣхи собственныхъ ненастій,
 Разсудку подчиняя страсти.
 Я мыслилъ въ юности не такъ
 Затѣмъ, что былъ большой чудакъ.
 Теперь же здѣсь, въ странѣ нерусской,
 И хорошенько постарѣвъ,
 Давлю въ себѣ и страсть, и гнѣвъ,
 Вполнѣ довольствуясь закуской,
 Какую мнѣ даетъ судьба:
 Мудра эстонская изба!..

И пусть Фостирій — нудный хандрикъ,
 И пусть поэзія — въ селѣ,
 Лугне вѣчно грезить о Леандрѣ,
 Кто далъ ей грезу на землѣ,
 Кто встрѣтился ей очень кстати
 Тамъ, на оранжевомъ закатѣ,
 На озерѣ монастыря...
 Свою судьбу благодаря
 За встрѣчу, чуждую измѣны
 Тѣлесной, — духъ ея безъ ковъ :
 Онъ воленъ на вѣка вѣковъ, —
 Что очень важно для Елены,
 Она не ищетъ новыхъ встрѣчь
 Съ тѣмъ, кто сумѣлъ ее зажечь.

Наоборотъ : когда ей Кира
 Дала намекъ на встрѣчу съ нимъ,
 Не донеся до рта пломбира,
 Бровей движениемъ однимъ,
 Соединившимъ брови туго,
 Ее сконфузила подруга.
 И часто говоря о немъ
 Съ неугашаемымъ огнемъ,
 О встрѣчахъ каждый разъ молчали
 И ждали писемъ отъ него.
 Ужъ приближалось Рождество,
 Уже зима была вначалѣ,
 И хоть была уже зима,
 Онъ имъ ни одного письма...

Ежевечерно выѣзжая
 Въ театры, въ гости, на балы,
 Неизмѣнимо всѣмъ чужая
 (Какъ эти глупы! какъ тѣ злы!..)
 Тая въ душѣ любовь къ прекраснымъ
 Глазамъ, своей печалью яснымъ,
 И отъ любви похорошѣвъ,
 Хотя немного поблѣднѣвъ,
 Она въ лицѣ своемъ являла
 Вполнѣ счастливую жену,
 И даже зависть не одну
 Будила въ дамахъ, чѣмъ ни мало
 Не смущена, смущала тѣхъ,
 Кому ея былъ вновѣ смѣхъ...

— Какъ пѣлъ сегодня Баттистини!
 Какъ соловьица Боронатъ!—
 Взявъ провансаля къ осетринѣ
 И мужу передавъ шпинатъ,
 Сказала Lugne, въ очарованьи
 И отъ любимаго Масканьи,
 И отъ полета рысака...
 Мужъ ѣлъ, смотря чуть свысока,
 Наливъ въ стаканчикъ Кантенака.
 Оконченъ ужинъ. Мужъ къ рукѣ
 Ея подходитъ. По щекѣ
 Скользитъ губами Lugne. Однако,
 Она къ себѣ. Предъ ней трюмо.
 Столъ въ зеркалѣ. На немъ — письмо.

ЧАСТЬ III.

1.

Письмо Леандра: — „Какъ ни странно,
Я, видѣвшій Васъ краткій разъ,
Душою съ Вами постоянно.
Я вижу Васъ. Я слышу Васъ.
Я ощущаю Васъ повсюду.
Я, вѣроятно, не забуду
Васъ никогда. Вы обо мнѣ —
Сонъ въ яви или явь во снѣ? —
Немного помните: тотъ вечеръ
На озерѣ монастыря,
Залитая водой заря,
И рѣчи глазъ, уста безъ рѣчи,
И слѣдующій день — лѣса,
Вы, Кира, я и небеса?..

2.

Я не писалъ,—мнѣ не хотѣлось
 Нарушить новью нашу старь,
 Что соловьемъ въ душѣ распѣлась...
 Я слушалъ пѣнье, на алтарь
 Любви воздвигнувъ нѣжный образъ,
 Какой судьба съ улыбкой, сдобрясь,
 Найти мнѣ въ жизни помогла.
 Вы — свѣтъ, все остальное мгла...
 Я не писалъ день, двѣ недѣли,
 Четыре мѣсяца. Я ждалъ
 Чудесъ какихъ-то. Я не зналъ,
 Порою были-ль въ самомъ дѣлѣ
 Вы посланы навстрѣчу мнѣ,—
 Не видѣлъ ли я Васъ во снѣ?

3.

Да и теперь, взыскатель были,
 Я не надѣюсь на отвѣтъ
 Не потому, что Вы забыли,
 А потому что... вдругъ Васъ нѣтъ?!.
 И тѣмъ ожиданнѣе это,
 Что первый разъ не въ это лѣто
 Я встрѣтилъ небо Вашихъ глазъ...
 Со сномъ дѣйствительность слилась:
 Мнѣ сны до встрѣчи предвѣщали
 Вашъ голосъ, очи, кудри, ликъ.
 Я къ Вамъ давно въ мечтахъ привыкъ,
 Къ запросамъ Вашимъ и къ печали.
 Когда-жъ теперь Васъ на яву
 Узналъ — проснулся и живу,

4.

И вдругъ, что мнѣ блеснуло явью,
 Окажется обманнымъ сномъ?
 И пустоту познавъ аравью,
 И день, и ночь все объ одномъ
 Терзаться стану я, что — нежить
 Вы та, кого привыкъ я нѣжить
 Въ своихъ возлюбленныхъ мечтахъ,
 Что вы, живительная въ снахъ,
 Лишь смутный призракъ въ этой яви...
 А если и оплотенъ духъ,
 Къ моимъ призывамъ будетъ глухъ,
 Что женщины нѣтъ Васъ лукавѣй,
 Что Вы совсѣмъ, совсѣмъ не та,
 Кѣмъ быть должна моя мечта...

5.

Такъ кто же Вы — отвѣтите прямо,
 Когда Вы знаете сама:
 Пустая взбалмошная дама,
 Кѣмъ русскіе полны дома,
 Безплотный призракъ, духъ мертвящій,
 Съ душою ли животворящей
 Мнѣ предназначенный судьбой
 Сопутникъ ясно — голубой?
 Я знать тревожусь — кто Вы? кто Вы?
 Простите странный тонъ письма, —
 Я, кажется, схожу съ ума, —
 Такой кошмарно-безтолковый...
 А если въ средніе вѣка
 Вы... впрочемъ, умолчу пока"...—

„Утѣшьтеся — я живу на свѣтѣ,
 Не бредъ, не сказка, не миражъ...
 Я Ваша цѣлый рядъ столѣтій...
 Мнѣ духъ больной понятенъ Вашъ :
 Вѣдь, Вы типичный неврастеникъ,
 Вы человѣкъ, въ чьей жизни тѣни
 Коснулись яснаго чела.
 Я получила и прочла
 Душою, — не глазами, — строки.
 Я Вамъ сочувствую вполнѣ.
 Вы дороги и близки мнѣ.
 Какъ я, Вы въ жизни одиноки...
 Я замужемъ двѣнадцать зимъ.
 Мой мужъ мнѣ чуждъ: мнѣ трудно съ нимъ“.

Леандръ отвѣтилъ: — „Бросьте мужа,
 Придите: я Вамъ счастье дамъ,—
 Васъ замораживаетъ стужа.
 Я Васъ моложе по годамъ :
 Мнѣ двадцать два. Я очень бѣденъ.
 Но геній мой, *Hélène*, побѣденъ,
 И вскорѣ славенъ и богатъ
 Я буду. Отъ моихъ сонатъ
 Уже теперь въ кружкѣ интимномъ
 Всѣ меломаны безъ ума,
 И не пройдетъ еще зима,
 Меня страна привѣтитъ гимномъ,
 И композиторскій вѣнецъ
 Приемлетъ геній, наконецъ“.

И Лугне сказала Кириенъ :

— О, радость : другъ мой — музыкантъ !

Но шатки лѣстницы ступени :

Зачѣмъ онъ хвалить свой талантъ ?

Его погубить эта свита...

Мой долгъ — сказать ему открыто

Свой взглядъ, его предостеречь :

Самоувѣренная рѣчь

Меня пугаетъ. Съ этой цѣлью

Увидѣться я съ нимъ должна.

Его душа поражена

Опаснымъ самомнѣніемъ. Въ келью

Грезъ композитора влетѣлъ

Духъ тьмы : безрадостный удѣлъ"...

И встрѣтились они на Мойкѣ,

У Поцѣлуева моста.

Леандра мысли были стойки,

И замкнуты его уста.

Какъ руки ласково дрожали !

Какую муку выражали

Сліянные двѣ пары глазъ !

Какой мучительный экстазъ

Объялъ ихъ крыльчатая души !

Какой огонь расцвѣлъ въ крови !

Но не сказалось о любви,

И настороженные уши

Не уловили нѣжныхъ словъ :

Шель часъ гуляющихъ ословъ...

10.

Она сказала: „Другъ мой, скромность —
Удѣль талантливыхъ людей“...

Онъ отвѣчалъ: „Но я огромность :

Я выше всѣхъ въ странѣ своей!

Я это чувствую, я знаю...

Я собираю звуки въ стаю,

И эта стая въ свой полетъ

Всѣхъ маловѣрныхъ вовлечетъ.

Чего же долженъ я стыдиться?

Зачѣмъ талантъ мнѣ умалять?

Вы для меня — подруга, мать,

Жена безплотная, царица,—

Все въ свѣтѣ, но... спросить Васъ жаль :

Вы слышали ли мой рояль?

11.

Конечно, нѣтъ. Такъ отчего же

Про скромность говорите Вы?

На пѣнье птички не похоже

Жужжанье гордой тетивы!

И я не птичка,—я охотникъ,

Заботящійся беззаботникъ,

И восторгаться для меня

Собой — какъ Вамъ сіянье дня.

Я отъ того исполненъ силы

И вдохновенья, и мечты,

Что сознаю себя. Кроты,

Скопцы и выходцы могилы,

Живые трупы, жалкій сбродъ,

Понятно, это не пойметъ...

12.

И не понявъ, того осудить,
 Кто сознаетъ въ себѣ себя,
 Надъ силою глумиться будетъ.
 Въ великомъ мощи не любя,
 Отъ зависти въ негодованьи...
 Такое жалкое созданье
 Я презираю. Мнѣ оно
 Отвратно. И еще одно
 Замѣтить вамъ я долженъ: въ наше
 „Санженистое“ время, въ вѣкъ
 Кривлякъ и нравственныхъ калѣкъ,
 Когда фальсификаты въ чаши
 Священныя налилъ наглець,
 Съ таланта истаго вѣнецъ

13.

Стараясь на себя натянуть,
 Въ вѣкъ псевдо-умныхъ дураковъ,
 Стремящихся умы ужалить,
 Художникъ долженъ быть таковъ,
 Какъ я: не скромничать (осилить
 Бездарь иначе!), долженъ вылить
 Быть какъ изъ стали — твердъ и смѣль,
 Въ бояхъ съ рутиною умѣль,
 Не поддаваясь вздорной брани
 И не пьянѣя отъ похвалъ.
 Поднявъ талантъ, какъ бурный валь,
 Онъ долженъ хлынуть черезъ грани
 И всѣ препятствія съ пути
 Волною хлынувшей смести“.

14.

Онъ замолчалъ, разгоряченный,
 Потупился и какъ-то сникъ :
 Вѣдь, Лугне съ улыбкою смущенной
 Не поняла его языкъ...
 Былъ полонъ нѣжный взоръ укора...
 Она не выносила спора
 И прошептавъ : „ Не правы Вы“,
 Пошла отъ Арки вдоль Невы
 За Эрмитажъ, по Милліонной.
 Онъ молча шель за нею вслѣдъ
 И думалъ : „Сколько нужно лѣтъ,
 Чтобъ въ ней, наивной и влюбленной,
 Всѣ предрасудки превозмочь?“
 Раскланялся, и вскорѣ — прочь.

15.

Невѣдомыя встали стѣны
 Межъ ними съ первой же поры,
 И вкралась боль въ мечты Елены..
 Рубили гдѣ-то топоры
 Сады волшебные... И тяжело
 Стволы валились.. Вяло кашка
 Чуть розовѣла у пенька...
 Присѣла на бревно Тоска
 Въ чепцѣ и траурной мантильѣ...
 Цвѣты поблекли, трепеща. .
 Свернулись листики плюща...
 Познали птицы гнетъ безкрылья...
 Сіяло солнце безъ тепла...
 И жизнь на животѣ ползла...

Любовь не терпитъ ссоръ и трений,
 Непониманья и обидъ.
 Но любить кто безъ преткновеній?
 Кто изъ влюбленныхъ не скорбитъ?
 И для любви порой не нужно,
 Чтобъ люди разсуждали дружно,
 Напротивъ — часто легкій споръ
 Живить нашъ утомленный взоръ,
 Въ насъ бодрость новую вливая,
 И вслѣдъ за ссорою опять
 Намъ нѣжно хочется обнять
 Того, чья радостность живая
 Способна въ насъ отвѣтъ будить:
 Безъ споровъ, право, скучно жить!

На рысакахъ орловскихъ сѣрыхъ,
 Подъ синей сѣткой, въ главный штабъ,
 Будя восторги въ офицерахъ,
 Лицпе ѣдетъ съ мужемъ. И Агапъ
 Роскошень въ четыреугольной
 Зеленой бархатной — королевой! —
 Россійской шапкѣ кучерской...
 Молодцевато-щегольской
 Имѣя видъ, въ кафтанѣ ватномъ,
 Вплетясь въ одну изъ невскихъ лентъ,
 Онъ править Шапки позументъ
 Блестить на солнцѣ. На обратномъ
 Пути Лицпе ѣдетъ въ Вейсу: тамъ
 Ботинки, близкіе къ мечтамъ!..

Оттуда надо бы къ княгинѣ:
 Сегодня, кажется, среда,
 Когда жуеъ кусочекъ дыни,
 Какъ дыня, скучная среда...
 Но какъ не хочется! А надо:
 Мужъ требуетъ... — „Я очень рада“,
 Princesse скрипитъ; — „O, mon enfant!“
 И пудру хвалить Houbigant,
 Браня d'Orsay'я и River'a :
 — „Не тотъ нюансъ... vous comprenez?“ —
 Про заграничное турнэ
 Рассказываетъ, и Ривьера
 Теряетъ весь свой колоритъ,
 Когда княгиня говорить...

Парижскую надѣвъ ротонду,
 Укутанная въ шеншиля,
 Вдругъ вспоминаетъ „Эсклармонду“,
 Въ четвергъ идущую. Шаля,
 Какъ дѣвочка, изъ бель-этажа
 Сбѣгаетъ внизъ все та же, та же,
 Какой была,—въ началѣ строфъ
 Романа, — въ зелени луговъ!
 Тортъ захвативъ отъ Кочкурова,
 Она торопится домой
 И вдругъ становится нѣмой,
 И брови хмурятся сурово:
 Часы на Думѣ били пять,—
 И такъ легко ее понять...

20.

Глазамъ кузины Киры каримъ
 Пріятный поднесенъ сюрпризъ :
 Фостирій посланъ государемъ
 По дѣлу личному въ Тавризь.
 Репейникъ инцидента скошенъ,
 И ласково Леандръ попрошенъ
 Прийти къ кузинамъ вечеркомъ
 Сыграть себя. И онъ, влекомъ
 Мечтой блеснуть передъ любимой,
 Хотя и плохо вѣря въ то,
 Накинувъ лѣтнее пальто,
 Спѣшитъ къ нимъ, стужею гонимый,
 И въ упоеньи входитъ въ заль.—
 Его встрѣчаетъ... генераль!..

21.

Въ тужуркѣ будничной, домашней,
 Съ Георгіемъ, весь ледяной,
 Вставъ прозаической башней
 Надъ романтической женой,
 Онъ смотритъ на Леандра взоромъ,
 Застыли навсегда въ котормъ
 Бюрократическая сушь,
 Дипломатическая чушь!
 Полоски губъ надменно сжаты,
 И лысъ его покатый лобъ..
 Вдали воздушный слышенъ топъ
 И смѣха звонкаго раскаты,
 Летитъ на столъ изъ рукъ береть,
 И, вмигъ заимивъ собой... портретъ,

Идетъ обрадованно Кира
 Навстрѣчу гостю — чаръ не сдунь! —
 Въ ея очахъ — „обитель мира“
 И озеро. А вотъ и Lugne,
 Забывшая былую горечь :
 — „Я рада Вамъ, Леандръ Петровичъ“...
 И посмотрѣвъ въ глаза въ упоръ :
 — Мы, къ сожалѣнью, до сихъ поръ
 Не слышали съ Riene ни разу
 Мотивовъ Вашихъ. Раньше чай ?
 Ну, какъ хотите. Николай!
 Приема больше нѣтъ“. И вазу
 Съ нарциссами подвинувъ вбокъ,
 Она садится въ уголокъ :

— Такъ мнѣ удобнѣй будетъ слушать...—
 Садится Кира на диванъ.
 Леандръ готовится обрушить
 На женщинъ звуковъ ураганъ.
 Ударилъ по клавиатурѣ,—
 И закружились звуки въ бурѣ,
 И съ первыхъ нотъ понесся штормъ—
 Свершенье небывалыхъ формъ :
 Гремѣль, стональ, смѣялся, плакаль,
 Стихаль и снова возросталь,
 И кто-то шель на пьедесталь,
 Срывался въ бездну, выль и звякаль,
 Вставалъ, дрожа, кричалъ и лѣзъ,—
 Летѣло море, мчался лѣсъ...

24.

Росли отстебленные розы,
 Качаясь въ воздухѣ. Гигантъ
 Слалъ то молитвы, то угрозы...
 Располоводился талантъ,
 Во всю сверкая и пылая,
 Душа горѣла огневая,
 И opus, вдохновенно—шалъ,
 Казалось, мертвыхъ воскрешалъ.
 Аккордъ. И пауза. И бисеръ
 Разсыпалъ выскочившій гномъ,
 И вдругъ заволокнулся сномъ...
 Метнулись чьи-то крылья къ выси:
 Рыдая, кто-то несъ свой даръ...
 Молитва. Вызовъ. И — ударъ.

25.

И стихъ рояль. Со стула рѣзко
 Поднялся огневой игрокъ
 И, ставъ бѣлѣй, чѣмъ въ храмѣ фреска,
 Склонился у любимыхъ ногъ,
 Цѣлуя ледяныя руки,
 Упавъ въ бездонные отъ муки
 Ненаглядимые глаза,
 Поднятые на образа,
 Чтобъ образовъ игры не видѣть,
 Витающихъ подъ потолкомъ...
 И Ligne сказала: „Не знакомъ
 Мнѣ Демонъ Вашъ. Боюсь обидѣть:
 Въ немъ торжествующій порокъ“...
 Отпрянулъ отъ нея игрокъ...

И пролетѣла въ стихшемъ залѣ,
 Крылами сумрачно шурша,
 Среди гiацинтовъ и азалiй,
 Гордыни полная душа.
 И льдомъ повѣяло отъ лета...
 Поблекла стульевъ позолота...
 Леандръ, закрывъ лицо, молчалъ...
 Еще теплѣлъ, еще звучалъ
 Рояль, напоминавшій плаху...
 Вдругъ Кира быстро къ игроку
 Прошла и, наклонясь къ виску,
 Поцѣловала, и съ размаху
 Упала навзничъ, закричавъ :
 — Прославленный всеславьемъ славъ !..—

И поздней ночью двѣ кузины
 Имѣли крупный разговоръ.
 Въ непроходимыя трясины
 Онъ ихъ вовлекъ. И съ этихъ поръ,
 Какъ въ нихъ вошло недоумѣнье
 Другъ передъ другомъ, единенье
 Нарушилось, и дружба ихъ
 Увяла разомъ. Для другихъ
 Могли возникнуть компромиссы,
 Но не для цѣлостныхъ натуръ —
 Пути такіе. Скорбно хмуръ
 Былъ обликъ будущей актрисы,
 И блѣдныя черты остры,
 Когда разстались двѣ сестры..

— Вы гений милостью Господней,
 Искусствикъ Вы раг excellence!
 О, я постигла Васъ сегодня,
 И мной обожествленъ Вашъ трансъ.
 Поймите, что *она* — малютка
 Предъ Вами. Для ея разсудка
 Вы непостижны. Вы — титанъ,
 Иной удѣлъ Еленѣ данъ.
 Она васъ любить, — я не знаю...
 Она, такъ думая, не лжетъ,
 Но никогда Васъ не пойметъ
 И не придетъ къ Вамъ, какъ къ Синаю.
 Не вѣрьте правдѣ малыхъ сихъ:
 Въ ней часто гибель для большихъ.

Я полюбила на закатѣ,—
 На озерѣ монастыря,—
 И мягкое рукопожатье,
 И Вашихъ синихъ глазъ моря.
 Я полюбила Ваши пальцы,—
 Клавіатурные скитальцы,—
 Я полюбила Васъ всего,
 Сама не зная отчего.
 Вы никогда мнѣ не приснились,
 Ни до, ни послѣ, — никогда.
 И Васъ я не ждала года,
 Но встрѣтились — и полюбились.
 Но Вашей быть я не могу:
 Я музу Вашу берегу.—

Леандръ прочель и, вспомнивъ Киру
 Признательно, чуть поблѣднѣль
 И, отхотѣвъ на время лиру,
 Любви .. Елены захотѣль !
 И написалъ: „Въ лѣса я ѣду.
 Хотите вмѣстѣ? Завтра въ среду.
 Вокзалъ Балтійскій. Въ два часа“.
 ...Они поѣхали въ лѣса,
 Туда, къ монастырю глухому,
 Гдѣ встрѣча первая была,
 Гдѣ служба на закатѣ шла,
 Гдѣ провожалъ онъ женщинъ къ дому,
 Гдѣ вечеръ протекалъ безъ словъ,
 Гдѣ западъ грустный былъ лиловъ...

Ночь тихо колоколь качала,
 Окрестность благостью дая.
 Какъ быстро тройка ихъ домчала
 До бѣлыхъ стѣнъ монастыря !
 Тепло друзьямъ въдохъ сибирской,
 Тепло и въ кельѣ монастырской
 Сидѣть у печки на полу,
 Смотри на символъ нашъ — *золу*...
 Принципіальныхъ расхождений
 Умолкла тяжкая череда :
 Они болтаютъ безъ труда,
 Исполненные впечатлѣній
 Лѣсовъ со снѣжной бахромой
 И ласки старицы хромой...

Сѣрѣютъ сумерки,—все ближе
 Вечерней нѣжности чередъ.
 Съ собой захваченныя лыжи
 Леандръ тюленьимъ жиромъ третъ,
 Его у печки нагрѣвая
 И легкимъ слоємъ покрывая
 Отполированную гладь,
 Носящую живую кладь...
 Какъ удержаться, чтобъ попутно
 Вновь не прославить лыжный спортъ?
 Вѣдь, мнѣ, кто жить въ природѣ гордъ,
 Нужна почти ежеминутно
 По зимамъ скользкая доска,
 Какой прихлопнута тоска...

33.

Они выходятъ за ворота,
 Во тьмѣ спускаются на ледъ.
 Имъ кажется, что третій кто-то
 За ними, крадучись, идетъ.
 Иль это небо сыплетъ хлопья?
 Иль это мысль его утопя
 Шуршитъ воскрыльями въ тиши?
 Кому бы здѣсь и быть въ глуши?
 Уснуло озеро подъ снѣгомъ.
 Они скользятъ на лыжахъ вдаль
 Сквозь снѣгъ,—какъ съ мушками вуаль,—
 Довольные своимъ пробѣгомъ.
 Не видно звѣздъ и нѣтъ луны.
 Все, все сказать сердца вольны.

— Чего ты ждешь? она спросила.

— Я жду назвать тебя своей.—

— Во мнѣ пока безсильна сила

Покинуть мужа и дѣтей.—

— Но, Ligne, пойми: я жду развода.—

— Не жди, Леандръ: моя свобода

Безъ крыль, и больше не парить,—

Мнѣ это совѣсть говорить.

Не создана и для измѣны,—

Въ измѣнѣ ложь: я правду чту.

Другъ въ другѣ видимъ мы Мечту,—

Довольно съ насъ. Не мучь Елены.

Пусть будетъ свѣтъ. Не нужно тьмы:

Лишь другъ внѣ друга вмѣстѣ мы.

36.

Ты говоришь: разводъ, какъ будто

Исправить что-нибудь разводъ.

Разводъ—пустякъ, разводъ—минута,

А знаешь ли, что значить—годъ?

Не только годъ счастливой страсти,

Любви сліянной, полной сласти,—

Что, кстати, для меня лишь звукъ,—

А годъ. *мой* годъ тяжелыхъ мукъ?

А здѣсь не годъ, Леандръ, подумай:

Двѣнадцать ихъ, двѣнадцать лѣтъ,

Двѣнадцать лѣтъ, какъ счастья нѣтъ,

Двѣнадцать лѣтъ тоски угрюмой,

И чуждый мужъ, но все же свой,

Привычный, челоуѣкъ живой!

Онъ любитъ Ligne твою, какъ можетъ.
 Гдѣ силы сдѣлать боль ему?
 Его судьба меня тревожить.
 Такой цѣной я не приму,
 Повѣрь мнѣ, счастья: этотъ праздникъ,
 Пожалуй, былъ-бы хуже казни.
 Нѣтъ, на несчастіи другихъ
 Могу-ль о радостяхъ своихъ
 Спокойно думать? Дѣти! дѣти!
 Какъ васъ дѣлать? О, что за вздоръ!
 Оставимъ этотъ разговоръ,
 Оставимъ злыя мысли эти:
 Такая воля—мрачнѣй тюрьмы.
 Лишь другъ внѣ друга вмѣстѣ мы.

Да, творчество твое велико,
 Какъ падшій ангелъ, геній тьмы,
 Но богоборческаго лика
 Краса страшна мнѣ. Какъ же мы
 Съ тобою совмѣстимъ всю разность
 Душъ нашихъ, знающихъ экстазность,
 Такихъ и близкихъ, и чужихъ?
 Я безъ ума отъ глазъ твоихъ,
 Отъ свѣтлой нѣжности ребенка,
 Отъ одаренности твоей,
 Но не отъ скрытыхъ въ ней идей,
 Кошунственныхъ и льнущихъ тонко
 И искусительно въ сердца...
 Я безъ ума... не до конца!

Пребудемъ же, Леандръ, друзьями,
 Какъ были до сихъ поръ вѣка,
 Смотря влюбленными глазами
 На друга другъ... издалека!
 Въ измѣнѣ тѣла — ложь. Въ свиданьи
 Безплотномъ — сплошь очарованье,
 Святая правда близкихъ душъ...
 Отъ нихъ не пострадаетъ мужъ,
 И невсколыхнутая совѣсть
 Моя меня не укорить.
 Вотъ путь единый, что открыть
 Для насъ — невинность встрѣчи, т.-е.,
 Сумбуръ отвергшіе умы,
 Лишь другъ внѣ друга вмѣстѣ мы.—

Сказала, вздрогнула и, съ крикомъ,
 Прижавъ его къ своей груди
 Въ теряющемъ порывѣ дикомъ,
 Отпрянула: „Не подходи...
 Единственный! боготворимый!
 Не искушай своей любимой:
 Я обезсилена борьбой, —
 Уйди, Леандръ, Господь съ тобой“...
 ...И онъ ушелъ во тьму на лыжахъ,
 Ни слова больше не сказавъ.
 Когда-жъ, озябнувъ и уставъ,
 Вернулась въ келью Ligne, на рыжихъ
 Лошадкахъ были хомуты,
 И голосъ звалъ изъ темноты:

— Готовы лошади. Мнѣ баринъ
 Велѣлъ на станцію Васъ свезть, —
 Былъ ликъ Елены свѣтозарень :
 Сердца другъ другу дали вѣсть !
 Она подать велѣла сани
 Спустия недѣлю, отъ скитаній
 Души уставшая, рѣша
 Говѣть въ монастырѣ. Душа
 Молитвы жаждала. Всѣ службы
 Она простаивала. Храмъ
 Далъ исцѣленіе скорбямъ,
 И, съ чувствомъ неизмѣнной дружбы
 Къ Леандру, ѣхала зимой
 Ты, маленькая Лигне, домой...

ЭПИЛОГЪ.

Леандръ гремитъ во всей вселенной.
 Давно ушла отъ мужа Лигне :
 Живетъ съ дѣтьми мечтой нетлѣнной.
 Въ каштаны прядей вкралась лунь...
 И застрѣлилась Кириена,
 Познавъ, какъ зла ко многимъ сцена,
 И отъ усадьбы вѣковой
 Остался пепель. Вѣтра вой —
 Надъ монастырскою руиной.
 А въ мірѣ все цвѣтетъ сирень,
 Весенній наступаетъ день,
 Чаруетъ рокоть соловьиный,
 И людямъ также снятся сны
 Обманывающей весны...

КНИГИ ИГОРЯ-СЪВЕРЯНИНА.

Изданія дореволюціонныя:

1. Громокипящій кубокъ. Десять изданій.
2. Златолира. Семь изданій.
3. Ананасы въ шампанскомъ. Пять изданій.
4. Victoria Regia. Четыре изданія.
5. Поэвоантрактъ. Три изданія.
6. Тостъ безотвѣтный. Два изданія.
7. За струнной изгородью лиры.

Изданія зарубежныя:

8. Миррэлія. Изд-во „Москва“ въ Берлинѣ.
9. Соловей. Изд-во „Наканунъ“ въ Берлинѣ.
10. Вервѣна. Изд-во „Odamees“ въ Юрьевѣ.
11. Менестрель. Изд-во „Москва“ въ Берлинѣ.
12. Amores (Переводы изъ Виснапу). Издано въ Москвѣ.
13. Фея Eiole. Изд-во „О. Кирхнеръ“ въ Берлинѣ.
14. Поэты Эстоніи Изд-во „В. Бергманъ“ въ Юрьевѣ.
15. Колокола собора чувствъ. Изд-во „В. Бергманъ“.
16. Роса оранжеваго часа. Изд-во „В. Бергманъ“.
17. Падучая стремнина. Изд-во „О. Кирхнеръ“.
18. Классическія розы. Изд-во „Русская библ.“ въ Бѣлградѣ.
19. Адриатика. Изданіе автора въ Нарвѣ.
20. Медальоны. Изданіе автора въ Бѣлградѣ.
21. Pühajogi. Изд-во „Odamees“ въ Юрьевѣ.
22. Crème de violettes. Изд. „Odamees“ въ Юрьевѣ.
23. Трагедія Тигана. Изд-во „Наканунъ“ въ Берлинѣ.
24. Рояль Леандра. Изданіе автора въ Бухарестѣ.
25. Очаровательныя разочарованія. Готовится.

АДРЕСЪ АВТОРА СЪ 1918.: **Estonie. Toila.**
Igor Severjanin.

INSTITUTUL DE
ARTE GRAFICE
„LITERA“
Gogu Cantacuzino. 76
BUCUREȘTI, III